

въ такомъ великомъ дѣлѣ какіе-то способы, ставить это дѣло въ извѣстныя рамки невозможно и немыслимо. Какъ же отвѣтить на тотъ вопросъ, который настоящая жизнь поставила намъ на очереди; какъ же, на самомъ дѣлѣ, считаться съ тѣмъ фактомъ, что нетвердые въ вѣрѣ бѣгутъ изъ лона православной церкви и къ великому горю православія становятся во вѣждебное къ ней отношеніе?

Всѣ мы, пастыри церкви, безъ сомнѣнія, чувствуемъ тяжесть возложеннаго на насъ пастырскаго долга, и та неизмѣримая нравственная отвѣтственность, которая требуется отъ насъ пастырствомъ, проникаетъ все наше существо и заставляетъ насъ болѣть сердцемъ и душой за вѣренное намъ дѣло. Эта боль нравственной отвѣтственности, это грозное слово, что Господь взыщетъ съ насъ за каждую вѣренную намъ душу, — лежитъ въ сознаніи каждаго священника съ момента его рукоположенія и до могилы. Эта мысль никогда не покидаетъ его; подъ шумъ и говоръ суетливаго дня и подъ кровомъ молчаливой ночи одна и та же неотразимая мысль: „исполнилъ ли онъ долгъ, завѣщанный ему Богомъ въ дѣлѣ спасенія вѣренныхъ ему душъ; не погибъ ли кто изъ его стада?“... И раздается въ душѣ грозное слово пророка: „сія глаголетъ Адонай Господь: се Азъ на пастыри, и взыщу овецъ моихъ отъ рукъ ихъ“ (Иез. 34, 10). Слѣдовательно, говорить о какихъ-то мѣрахъ и способахъ въ дѣлѣ спасенія вѣренныхъ намъ людей нѣтъ никакой нужды; это постоянная боль нашего сердца, объ этомъ непрестанно намъ твердить совѣсть. Но разъ есть заблуждающіеся, колеблющіеся и нетвердые въ православной вѣрѣ, и если насъ страшитъ бѣда, что при современномъ положеніи вещей мы можемъ увидѣть членовъ православной церкви бѣгущими отъ нея, то какъ же мы тогда будемъ считаться съ этимъ фактомъ? Будемъ ли мы тогда „обличать, запрещать, умолять?“ Нѣтъ, не это прежде всего... Прежде оглянемся мы на себя и зададимъ себѣ острый и жгучій вопросъ: были ли и есть ли мы „образи стаду?“

„Словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистою“ были ли мы образъ вѣрнымъ своимъ? И что почувствуемъ мы, если при безпристрастной оцѣнкѣ своихъ дѣйствій окажемся безотвѣтны предъ этимъ неумолимымъ вопросомъ? Посмотримъ и будемъ откровенны: что мы, называющіе себя пастырями, изъ себя представляемъ, чѣмъ отличается наша жизнь отъ жизни нашихъ пасомыхъ, и правда ли, что мы „образы стаду“ (Тим. 4, 12)? Мы, пастыри, надо правду сказать, далеко отошли отъ завѣщаннаго намъ идеала, и наша жизнь далеко не идейна. Наше дѣло какъ-то мало вдохновляетъ насъ, и чѣмъ дальше идемъ мы по пути пастырства, тѣмъ какъ-то больше забываемъ высоту нашего дѣла и дѣлаемъ его съ легкимъ сердцемъ, какъ-то внѣшне и безъ вдохновенія. Въ службѣ церковной не всегда бываемъ безупречны, совершая ее иногда торопливо, показанному и безъ всякаго усердія; наши требы иногда тяготятъ насъ настолько, что мы своего раздраженія не хотимъ даже скрыть отъ прихожанъ. И вообще ничѣмъ не отличаемся мы во внѣшней жизни отъ жизни нашихъ пасомыхъ, и чудный завѣтъ апостола: „образы бывайте стаду“ (1 Петр. 5, 3) мы не можемъ приложить къ себѣ. Это-то и бросается въ глаза „меньшей братіи“, это-то и создаетъ намъ заслуженный укоръ. Между нами, братьями, почти совершенно изсякла братская общительность и лежитъ какая-то непонятная, непростительная разъединенность и обособленность. Не помню кто-то и гдѣ-то сказалъ, что разъединеніе духовнаго сословія нѣтъ. И въ этомъ упрекѣ больше чѣмъ половина правды. Если мы иногда и собираемся вмѣстѣ, то сторонимся и бережемся другъ друга, боясь обмолвиться о чемъ-либо искренно, и наши разговоры бывають большею частію безсодержательны и неопредѣленны, а если мы коснемся *нашего* дѣла, то рѣчь наша звучитъ какъ-то вяло, глухо и не интересно... Отсутствіе между нами общительности, братства и единенія дѣлаетъ насъ безсильными и слабыми, тогда какъ наша сила и мощь, особенно теперь, въ

единеніи и согласіи; о семъ-то и Спаситель нашъ въ Своей Первосвященнической молитвѣ молился: „Отче святыи!... Ихъ же дасть еси Мнѣ, да будутъ *едино*, якоже и Мы (Іоан. 17; 11). Вотъ чѣмъ была сильна и первенствующая церковь, вотъ въ чемъ заключается и наша сила! Объединимся! „Объединимся около церкви и будемъ поддерживать другъ друга, поощрять другъ друга въ добрыхъ дѣлахъ и добрыхъ правилахъ жизни! Мы всѣ стали больны душой, больны нашими дурными привычками, больны нашими нравами“ (Макарій, Еп. Томскій. — Церк. вѣд. 1905 г., № 39).

Правда, мы учимъ своихъ пасомыхъ. Съ священнаго мѣста раздаются сильныя иногда рѣчи противъ цѣлаго моря пороковъ, въ какихъ тонуть наши духовныя дѣти, и разнаго рода страстей, которыя, какъ блуждающіе огоньки, манятъ къ себѣ своимъ обманчивымъ свѣтомъ. А мы... свободны-ли отъ того, что такъ беспощадно бичуемъ своимъ словомъ? Нѣтъ, и насъ часто заманиваютъ къ себѣ эти обманчивые огоньки блуждающихъ огней.... И тогда слово наше не дѣйствительно, мертво, потому что видятъ пасомые эту нашу разладицу между словомъ и дѣломъ и теряютъ довѣріе къ нашему слову. „Покажи ми вѣру отъ дѣлъ твоихъ“ (Іак. 2, 18),— вотъ чего требуетъ отъ насъ каждый изъ нашихъ пасомыхъ. Безъ этого всѣ наши слова, проповѣди, рѣчи—пустой звукъ, которому нѣтъ отголоска въ сердцахъ слушателей. Но кто изъ насъ можетъ похвалиться, что онъ цѣлой головой стоитъ выше своей паствы и своей жизнью далъ примѣръ и образъ своему стаду?—Правда и совѣсть требуютъ сказать, что мы безотвѣтны предъ этимъ вопросомъ.... Намъ остается только этого желать, и только тогда, быть можетъ, у насъ не будетъ бѣгущихъ и соблазняющихся, когда мы своею жизнью отвѣтимъ нашему призванію и будемъ воистину „образи стаду“. А это не только можно, но и должно. Разъ мы приняли на себя священство, то и должны проникнуться сознаниемъ, что оно не ремесло, а добровольное мученичество....

Но есть нѣчто другое, что помимо нашей воли снимаетъ съ насъ весь блескъ и величіе нашего священнаго сана и роняетъ насъ во мнѣніи и глазахъ народа. Это всѣмъ извѣстные поборы съ прихожанъ. Все, что пріобрѣтеть себѣ своею жизнью и дѣятельностью самый идеальный священникъ, то все потерять онъ, когда пойдетъ по дворамъ своихъ прихожанъ со сборамъ по нимъ. А нравственная ломка, а нравственная пытка,—кто ихъ пойметъ?!.... Мнѣ никогда не забудется такой фактъ изъ моей собственной практики. Отправился однажды по сбору. По случайному совпаденію въ этотъ день собиралъ по селу и псаломщикъ. Подхожу къ одному дому, сторожъ проситъ подѣлиться „батюшкѣ“ сѣмячкомъ. „Что вы, аль спустились?“—слышится голосъ женщины.... „Спустились“.... Какое острое слово, какъ больно оно ударило и безъ того по больному сердцу. Вотъ, думаешь, и все твое пастырское достоинство и власть, вотъ твоя нива, на которой ты долженъ работать и быть на высотѣ своего величія. Какое противорѣчіе! Нѣтъ нужды приводить подобные примѣры: ихъ тысячи, да еще не съ такимъ оттѣнкомъ, есть и посильнѣе, такъ что писать о нихъ слишкомъ ужъ тяжело и больно. Правда, объ этомъ много писалось, а еще больше говорилось, но какъ-то безъ отвѣта замиралъ этотъ скорбный голосъ сельскаго духовенства, и оно оставалось и остается попрежнему на своихъ патриархальныхъ началахъ матеріальнаго обезпеченія, и по прежнему всякій готовъ бросить грязью въ духовенство, что де оно не стѣсняется брать „ни съ живого, ни съ мертваго“. А жизнь, настоящая, дѣйствительная, будничная жизнь, даетъ себя чувствовать и священнику, потому что надо ѣсть, пить и семью содержать, источникъ же его доходовъ по-прежнему остается съ своими мрачными и острыми подробностями. Вотъ начало и корень нашего нравственнаго упадка, вотъ почему духовенство (сельское) даже въ лицѣ своихъ лучшихъ, идеальнѣйшихъ представителей скоро опускается и прощается навѣки съ своими лучшими и

святыми мечтами объ идеальномъ пастырствѣ, потому что онѣ разбиваются о прозу тѣхъ условій, въ какихъ существуетъ сельское духовенство. Вотъ почему иногда и лучшія силы оставляютъ духовную дорогу и идутъ по инымъ путямъ, потому что „лукошко“ ихъ страшитъ и всѣ унижительныя послѣдствія, связанныя съ нимъ. Можно-ли теперь винить насъ, священниковъ, что мы не бываемъ на высотѣ своего положенія? Да, и мы не всецѣло виновны въ этомъ: это нужно только понять, а понять—значитъ все простить. И если условія матеріальнаго обезпеченія сельскаго духовенства и бываютъ камнемъ преткновенія и камнемъ соблазна для „меньшей братіи“, то не мы виновны въ этомъ, и едва-ли виня этого соблазна всецѣло падеть на насъ,—эти условія въковыя, и только съ уничтоженіемъ ихъ мы и духовенство увидимъ въ новомъ свѣтѣ.

Изъ всего сказаннаго естественно сдѣлать такой выводъ: принявши на себя высокое и отвѣтственное пастырское служеніе, мы и должны украшать себя тѣми чертами и качествами, какія указаны ап. Павломъ въ его пастырскихъ посланіяхъ. Въ этомъ нашъ долгъ, наша обязанность, и смыслъ всей нашей жизни. И тогда „просвѣтится свѣтъ нашъ предъ челоуѣки“, *и не будетъ тогда ни отпадающихъ, ни соблазняющихся нашей жизнью.* А такъ какъ неизбежны въ нашемъ служеніи тѣ камни преткновенія, о которыхъ сказано выше, то будемъ надѣяться и ждать того времени, когда для нашей жизни создадутся иныя условія, и если не мы, то дѣти наши будутъ трудиться на нивѣ Христовой, не нарушая мира своей совѣсти вынужденнымъ попрошайничествомъ, и матеріальный вопросъ не будетъ разбивать ихъ завѣтныхъ мечтаній о беззавѣтномъ служеніи паствѣ.

Священ. Сергій Петровскій.

